КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія II. Ѳ. Р. (341—372).

II. Украинскіе юмористы и шутники. (Этнографическій очеркъ). II. С. Левицкаго. (373—389).

III. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи. II. Ив. В. Теличенка. (390—419).

IV. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. V—VIII О. И. Роговой. (420—455).

V. Побожье въ XVII и XVIII в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ. (Переводъ съ польскаго). I—III. Н. М (456—476).

VI Автобіографическая „сказка" малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. Сообщилъ О. И. Левицкій (477—485)

VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Памяти Ивана Петровича Новицкаго. И. Каманина. Три письма гр. П. В. Завадовскаго. 1775 и 1776 г. Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. А. Л. Къ исторіи кіевскаго паломничества. А. Л. Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. Урны съ жжеными человѣческими костями въ хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. О К. (486—505).

VIII. Суботовская церковь. И. Б. (506—508).

IX. Библіографія. Tadeusz Jerzy Stecki. Z boru i stepu. Obrazy i pamiątki. Н. М. Сборникъ харьковскаго Историко-филологическаго общества т 2-й И. Каманина. П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ картами въ текстѣ. П. Г. Мотыжинскій архивъ. Акты переяславского полка XVII — XVIII в. А. М. Обозрѣніе журналовъ. (505—524).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Свадебныя пѣсни въ лубен. у., полт. г. (Окончаніе).
2) Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда (херсонск. губ.). Собралъ свящ. Гавр. Сорокинъ.
3) Суботовская церковь.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

СВАДЬБЫ И СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ У МАЛОРОССОВЪ И ВЕЛИКОРОССОВЪ М. ДМИТРОВКИ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО У. (ХЕРСОНСКОЙ ГУБ.).

Собралъ

священникъ **Гавріилъ Сорокинъ**.

Предисловіе.

Образцомъ въ настоящей работѣ для меня послужили „Свадебныя пѣсни въ елисаветградскомъ уѣздѣ“, записанныя Еленою Марковичъ. („*Степъ*“. Херсоньскій беллетристычный сбирныкъ, изд. 1886 г.),

Собирая предлагаемыя ниже пѣсни, я записывалъ тѣ, которыя были или своеобразны и совершенно самостоятельны по содержанію, или представляли варіанты. Тѣ-же, которыя дословно приведены въ трудѣ г-жи Марковичъ, я не буду приводить, а ограничусь только указаніемъ страницы и № въ вышеуказанномъ трудѣ.

Кромѣ пѣсенъ малороссійскихъ, я нашелъ необходимымъ собрать и записать пѣсни, которыя поются на свадьбахъ у великороссовъ. Думаю, что это представитъ интересъ въ виду того обстоятельства, что населеніе м. Дмитровки состоитъ изъ двухъ, почти равныхъ частей: малороссовъ и великороссовъ. Мнѣ кажется, что еще никто не собиралъ свадебныхъ пѣсенъ великороссовъ, живущихъ въ херсонской губ.

Великороссы живутъ въ Дмитровкѣ съ конца прошлаго столѣтія. Вотъ уже сто лѣтъ прошло, а у насъ есть нѣсколько улицъ, на которыхъ живутъ исключительно великороссы и между ними не встрѣтите ни одного семейства малороссовъ, и наоборотъ.

За послѣдніе 3—4 года, новыя мѣста для усадьбъ выходящимъ изъ семейства начали давать безъ различія народности; на такъ называемыхъ „новоселицяхъ“ рядомъ съ малороссомъ селится великороссъ, тогда какъ раньше этого времени ни за что малороссъ не согласился-бы занять мѣсто рядомъ съ великороссомъ и наоборотъ.

Великороссы прежде почти не выходили изъ семьи, и только недавно стали подражать малороссамъ, выдѣляя сыновей. Еще много есть семействъ, въ которыхъ вмѣстѣ живутъ три—четыре брата, имѣющихъ даже внуковъ. Великороссы многое заимствуютъ у малороссовъ и больше всего сохранили свою народность въ свадебныхъ обрядахъ, да и то въ нѣкоторыхъ частностяхъ, даже въ пѣсняхъ, замѣтно малороссійское вліяніе. Вотъ почему я нашелъ необходимымъ сообщить обряды и пѣсни тѣхъ и другихъ. Свадебныя пѣсни великороссовъ сообщаю всѣ, какія только могъ собрать.

О заимствованіяхъ малороссовъ и великороссовъ другъ у друга въ образѣ жизни, правахъ и обычаяхъ говорить здѣсь я не буду.

Свящ. **Г. Н. Сорокинъ.**

I. Свадьба у малороссовъ.

Если на семейномъ совѣтѣ отецъ, мать и сынъ порѣшили, что послѣднему нужно жениться, то отецъ приглашаетъ одного или двухъ человѣкъ изъ хорошихъ своихъ пріятелей, людей опытныхъ и толковыхъ, быть старостами. Если у сына нѣтъ раньше на примѣтѣ невѣсты, то совѣтуются со старостами куда идти и, намѣтивъ невѣсту, которая по общему сужденію окажется подходящей, отецъ и мать приглашаютъ еще двухъ человѣкъ сосѣдей, снимаютъ икону и благословляютъ сына. Затѣмъ отецъ подноситъ по рюмкѣ водки присутствующимъ, а мать идетъ къ сосѣдямъ и занимаетъ ржаной хлѣбъ, съ которымъ отправляетъ старостовъ съ женихомъ. Хлѣбъ долженъ быть занятъ, такъ какъ существуетъ повѣрье, что съ чужимъ—занятымъ хлѣбомъ, скорѣй можно высватать, а со своимъ навѣрное откажутъ. Въ домъ невѣсты входятъ только старосты, а женихъ остается подъ окномъ.

Поздоровавшись съ хозяевами, старосты говорятъ, что они охотники и увидѣли, какъ во дворъ невѣсты забѣжала лисица, а потому просятъ позволенія поискать.

Отецъ невѣсты, сообразивши въ чемъ дѣло, отвѣчаетъ: „если у васъ хортъ хорошъ, то онъ самъ найдетъ!“

Потомъ отецъ невѣсты спрашиваетъ: отъ кого они присланы, изъ какого роду женихъ, не родственники-ли они ему? Если нѣтъ, то разспрашиваетъ много, если-же окажутся родственниками—то мало. Старосты просятъ дать отвѣтъ; отецъ никогда положительно не отвѣчаетъ, а зоветъ дочь, которая, замѣтивши, что пришли старосты, старается раньше, пока отецъ разговариваетъ съ ними, сказать матери, согласна она или нѣтъ, потомъ приходитъ, становится возлѣ печи и обязательно „*колупаетъ комин*ъ“, на предложеніе старостовъ она отвѣчаетъ уклончиво, ссылаясь на отца, который иногда проситъ день—два сроку подумать. Въ такихъ случаяхъ женихъ и не входитъ, а старосты оставляютъ хлѣбъ и уходятъ; но, обыкновенно, послѣ уклончиваго отвѣта невѣсты, отецъ говоритъ старостамъ, чтобы они пригласили жениха въ хату, посмотрѣть каковъ онъ изъ себя. Женихъ входитъ, кланяется всѣмъ, невѣста отходитъ отъ печи и выказываетъ намѣреніе выйти изъ хаты, и если на поклонъ жениха подастъ ему руку, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что она согласна, а если только поклонится и выйдетъ изъ хаты, то это означаетъ положительный отказъ.—При согласіи, отецъ и мать снимаютъ тотчасъ икону и благословляютъ жениха и невѣсту, которые становятся рядомъ и бьютъ три поклона предъ иконой и цѣлуютъ её, потомъ цѣлуютъ отца и мать въ губы и руки, наконецъ, цѣлуютъ хлѣбъ, который принесли старосты. Мать съ невѣстой достаютъ изъ *скрыни* рушники или платки, невѣста кладетъ ихъ на деревянную тарелку и прежде всего перевязываетъ жениху руку. Женихъ бросаетъ на тарелку не менѣе 30 коп., иногда рубль, смотря по достоинству подарка, хотя старается дать больше, чѣмъ стоитъ подарокъ; если онъ положитъ меньше стоимости, невѣста можетъ принять за насмѣшку и могутъ выйти непріятности; потомъ невѣста перевязываетъ старостовъ чрезъ плечо, они тоже

бросаютъ деньги: 2—3 коп., рѣдко 5—10, хотя-бы рушникъ стоилъ больше рубля.

Невѣста съ женихомъ идетъ тогда-же къ своимъ ближайшимъ родственникамъ, приглашаетъ ихъ на заручины, равно какъ и самыхъ близкихъ сосѣдей. Пока родственники и сосѣди сойдутся, женихъ съ невѣстой идутъ за водкой, которую покупаетъ женихъ, не менѣе кварты или 1/4 ведра.

Прежде чѣмъ пить водку, благословляютъ опять жениха и невѣсту иконою въ присутствіи собравшихся, съ которыми они цѣлуются; собравшіеся садятся за столъ, а женихъ съ невѣстой выходятъ во дворъ, или на огородъ, гдѣ разговариваютъ, при этомъ невѣста беретъ въ *пазуху насиння* и угощаетъ жениха. По окончаніи пирушки, старосты, оставаясь перевязанными, идутъ съ женихомъ къ его отцу. Идутъ по улицѣ медленно, чтобы обращали на нихъ больше вниманія, гордясь удачей.

На слѣдующее утро отецъ жениха приглашаетъ отца и мать невѣсты, которые берутъ хлѣбъ и вмѣстѣ со своими ближайшими родственниками идутъ на сватовство, или такъ называемыя *розглядыни*. У жениха собираются и его ближайшіе родственники и сосѣди, обѣдаютъ и цѣлый день пьютъ водку (на сватовствѣ выпивается 2—3 ведра водки); условливаются о времени вѣнчанія и свадьбы, затѣмъ отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ къ себѣ и тамъ заканчиваютъ сватовство. Если женихъ изъ другаго селенія, то все-таки къ нему ѣдутъ отецъ и мать невѣсты съ самыми ближайшими родственниками. Предъ днемъ вѣнчанья женихъ ищетъ себѣ боярина, а невѣста дружку. Благословляютъ въ путь къ вѣнцу въ домѣ жениха и въ рѣдкихъ случаяхъ у невѣсты (если послѣдняя изъ другаго селенія). Послѣ вѣнца идутъ обѣдать къ жениху, даже въ тѣхъ случаяхъ, если женихъ изъ другаго села. Обѣдаютъ самымъ скромнымъ образомъ; съ невѣстой, кромѣ дружки, никого не бываетъ съ ея стороны. За обѣдомъ выпиваютъ не болѣе какъ по двѣ—три рюмки. Къ вечеру женихъ провожаетъ невѣсту домой, гдѣ и самъ остается ночевать. Все время отъ вѣнчанія до свадьбы,

которая бываетъ не ранѣе какъ чрезъ двѣ—три недѣли, женихъ ходитъ ночевать къ невѣстѣ.

Дня за три до свадьбы, невѣста приглашаетъ дружекъ и молодыхъ женщинъ печь коровай, шишки, лежни и калачи. Дружки однѣ, безъ молодыхъ женщинъ, не могутъ печь коровай. Когда приготовляютъ коровай и шишки, то поютъ, кромѣ помѣщенныхъ подъ №№ 11, 12 и 13 въ „Степу", стр. 170 и 171, слѣдующую пѣсню:

1.

„Нихто не вгадае,
Що въ нашимъ короваю.
Три мирочки перцю,
А четверта инберцю,
А пята шамраю,
Що въ нашимъ короваю!

Когда посадятъ коровай въ печь, то двѣ молодыя женщины и двѣ дѣвки крестообразно, женщина противъ женщины, дѣвка противъ дѣвки, берутъ дижу и поютъ:

2.

Пичь стоить на сохахъ,
А дижу носять на рукахъ;
Пичь наша, пичь, пече,
Хорошенько коровай спече!
Кучирявый пичь вымита,
А кучирява въ пичь загляда;
Ой де-бъ мини систы
На счастлывимъ мисти?

Когда спекутся коровай и шишки, мать невѣсты даетъ каждой дѣвкѣ и женщинѣ по 6 шишекъ, которыхъ пекутъ не менѣе 200. Въ субботу утромъ сходятся приглашенныя дивчата, сажаютъ невѣсту на кожухъ, старшая дружка расплетаетъ ей косу, а дивчата поютъ [1]: (Степъ, № 14-й).

---

[1]) Николайчикъ. Кіевск. Стар. стр. 379.

Потомъ надѣваютъ цвѣты, берутъ шишки и невѣста идетъ съ дружками обѣдать къ жениху; послѣ обѣда, выходя изъ дома поютъ:

3.

Якъ булы мы у пана,
Була намъ добра шӑна;
Пилы мы горилку
За Наталку дивку.
Зозуле, зозуленько,
Чего встаешь раненько?
Чого плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не куваты?
Одного зозуля мала,
Тай того утеряла!
Ты, Наталчина ненька,
Чего встаешь раненько?
Чего плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не плакаты?
Одну дочечку мала,
Та-й ту утеряла:
Изъ поля робитныцю,
Отъ печи топилныцю,
Отъ коровъ коривныцю,
Отъ коморы ключныцю,
Отъ серця розлучныцю!

Тогда идутъ по селу приглашать на свадьбу; поютъ, кромѣ №№: 16, 17, 18, 19 и 25 (Степъ), слѣдующія:

4.

Нейдить дружечки тыхо,
Крешить пидкивкамы,
Якъ небо зиркамы.
Ой загулы голубоньки,
У садъ литючи;
А за ными Наталка,
У слидъ плачучи.
Ой верниця, голубоньки,
Я вамъ щось скажу,
Вернить мое дивовання,
Я вамъ заплачу.
Не вернемось, не вернемось,
Бо знаемъ чого,
Булобъ тоби шануваты
Батенька свого;
Булобъ тоби нейты замижъ,
Тай ще погулять,
Булобъ тоби здоровячко
Пошанувать!
Чи далеко, голубоньки,
Залетыте,
Чи далеко дивовання
Тай занесете?
Полетымо мы, Наталко,
Въ чисте поле,
Занесемо мы дивовання
Въ сыне море.
Полетымо мы, Наталко,
У чужій край,
Та вкинемо дивовання
У тыхый Дунай!
Полетить, голубоньки,
У мій садочокъ,

Та знимить изъ яблони
Мій цвиточокъ;
Та понесить неньци
У кимнату,
Та повисьте цвиточекъ
Надъ кроватью!
Устане моя неврка,
Тай буде узнавать,
Тай буде мій цвиточокъ
Слизьмы облывать!

5.

Ой на шо ты, Наталко, уповала
Що ты соби Ивана сподобала:
Чи на ёго два коныки вороные
Чи на ёго два жупаны голубые!
А е въ ёго два коныки,
Тай то не ёго;
А е въ ёго два жупаны,
Та брата ёго,
А е въ ёго три перстени,
То сестрици ёго!
А въ ёго молодого,
Нема ничого.
Биле лычко, чорны бровы
То тильки ёго!
Два коныки вороные
Пидыбьюцця,
Два жупаны голубые
Подерущця,
Лита твои молодые
Не вернуцця!

6.

Ой зацвили полуцвиты
По крутій гори,
Усю гору камьяную
Устылылы!
Тильки одну дорижечьку
Пропустылы.
Туды йшла Наталка
Зъ дружечкамы,
А за нею Иванко
Зъ буярамы.
Пидожды ты, Наталко,
Не чія—моя!
Вона стала—отгадала:
Ще я не твоя!
Ще я въ свого батька—паняночка,
А ты у свого—панъ,
Шукай соби паняночки
Такои, якъ самъ!
Й выходывъ—й выиздывъ
Села города,
Та не найшовъ паняночки,
Якъ ты молода!
Й выходывъ й выиздывъ
Увесь билый свитъ,
Та не найшовъ паняночки,
Якъ ты, рожевый цвитъ!

Возвращаясь домой съ обходу, поютъ:

7.

Росты верба вгору,
Мы идемо до дому,

До своеи неньки,
Де столы повненьки! [1])

Вечеромъ невѣста возвращается домой, дружка обращается къ дружку́, который находится тутъ, до прихода невѣсты:

„Старосто, па̀не старосто!
Благословить молоду за стилъ завесты“.

Даётъ *„хустку“* въ руки невѣсты и ведетъ; а дивчата поютъ: № 32 [2]) (Степъ) но полнѣе:

8.

А той посадъ
Пысарь пысавъ
Й малярь змалювавъ:
Темнои ничи
Коло свичи,
Яснаго сонця
Коло виконьця! [3])

Затѣмъ благословляются *„гильце выть“*, которое украшаютъ конфектами, пряниками, орѣхами и проч., при этомъ дивчата поютъ „Степъ“ №№ 34, 35, 36 и 34 и еще:

9.

Ой де-жъ ты, сосно, изросла,
Тыхымъ Дунаемъ приплыла.
Наталка на столи зацвила.

---

[1]) Потомъ какъ и въ Стенъ, № 28.
Не гнивайся, моя ненько, на мене,
Що я веду усю челядь до себе!
Я-жъ тебе, дочко, не лаю,
Я-жъ твою усю челядь прыймаю.
И еще № 30 Степъ стр. 178.

[2]) Иде Палажка на посадъ,
Зостричавъ ін Господь самъ,
И зъ долею зъ щастлывою,
И зъ доброю годыною.

[3]) Ср. Чубинскій, № 239.

Гильце-деревце изъ ялыны,
Тай зъ червонои калыны,
Тай зъ зелененькихъ вышинекъ,
Тай зъ червоненькихъ ягидокъ,
Тай зъ зеленого терныку,
Тай зъ хрещатого барвинку.

Когда гильце готово, то поютъ:

10.

Була зима—була зима,
Та стала весна;
Насіяла чернобрывцивъ,
Тай замижъ пишла.
Ростить, ростить, чернобрывци,
Тай росцвитайтесь;
Ходить, ходить, подружечки,
Тай квичайтесь!
Ой якъ-же намъ росцвитаться,
Туманъ наляга;
Ой якъ-же намъ квичатыся
Подруги нема! [1])

Затѣмъ начинается „дивычь—вечиръ", во время котораго дивчата поютъ:

11.

Жалуй мене, моя ненько,
Жалуй та не лай,
Та въ чужую стороненьку
Замижъ не давай.
Бо чужая стороненька
Безъ витру шумыть;
Чужій батько—чужа ненька
Не бьють—та болыть,
Якъ увійде у свитлоньку
Тай загомоныть,
А у мене, молодои,
Серденько заболыть,
Що чужая дытыненька
Ничимъ не вгодыть:
Ни мыскою, ни ложкою, ни водою,
Ни своею дивоцькою красотою!

12.

Чи мы тоби, Наталко, не казалы,
Чи мы твого серця не втишалы,
Нейды, нейды, тай до броду
Рано по воду.
Та не слухай голубонькивъ,
До два загудуть,
Воны тебе, молодую, тай израдять,
Одъ батенька до свекорка переманять.

[1]) Ср. Чубинскій, № 141.

А свекорко—не батенько,
Не бье—та болыть,
А свекруха—не матинка
Съ кымъ стане—судыть:
Сонлывая, дримлывая, невистка моя,
Що не хоче при мисяцю
Воды принесты;
Що не хоче при свиченьки
Свитлоньки месты!
Якъ носыла водыченьку
Такъ буду носыть,
А не ходы до сосиды
Ты мене судыть!
Не ходы до сосиды
Огню позычать,
Та не ставай зъ сосидою
Мене трахтовать!

13.

Ходыла Наталка по кимнати,
Та будыла неньку свою зъ кровати.
Вставай, вставай, ненька моя,
Годи тоби спать!
Бо вже мини въ твоій хати
Не викъ виковать,
Одну ничку субботнюю
Тильки переночувать,
Одинъ денёкъ недиленьки
Зъ вамы погулять.
Такъ якъ одынъ день,
Субботонька—недиленька
Жалуй мене, моя ненько,
Хоть цей тыждень!
Жаловала, дочко моя,
Якъ була моя,
А теперь надъ тобою
Неволя моя,
Нехай тебе пошануе
Дружина твоя! [1])

14.

Ой жаль мини, ненько моя,
Тай на тебе,
Даешь мене молодую
Тай отъ себе;
Остается рута-мята
Тай у тебе.
Й руточка й мяточка зелененька,
То садыла Наталка молоденька.
Ой уставай, моя ненько, ранесенько,
Та полывай руту-мяту частесенько.
Вставатыму, дочко моя, раньше тебе—
Й раннимы й пизнимы зирочкамы,
Й дрибнымы—жалибнымы слизочкамы.

15.

Продай, продай, мій батенько,
Свій вышневый садъ,
Та справъ мини, мій батенько,
Дорогій нарядъ.
Зеленую шубочку ажъ до долу,
Дорогіе черевычки на ниженки.

[1]) Эта пѣсня записана нѣсколько иначе „Степъ" № 67 стр., 196 и Чубинскій № 286.

А доброе намыстычко
На билую шiю!
На що тоби, дитя мое,
Дорогiй нарядъ,
Якъ пидешь ты до свекрухы
Той ёму не радъ!
Зеленая та шубочка
Излежицця,
Дорогiе черевыки,
Пыломъ припадуть,
А доброе намыстычко—
Зовыци порвуть!
А я тимъ зовыцямъ
Тай склонюся;
Неньци своiй риднесенькiй
Похвалюся,
Ненька моя риднесенька
Затоскуе,
Та затоскуе вона
Напрасно!

Когда невѣста сирота, то поютъ дословно № 46 и 139 „Степъ“, и еще:

16.

Зеленая пшеныченька
На яръ полягла,
Десь у тебе, та Наталко,
Неньки нема!
Якъ бы у мене подружечки
Ненька була;
Вона-бъ мини, подружечки,
Порядокъ дала.
А то у мене, подружечки,
Неньки нема,
То у мене порядку нема:
Стоять столы тесовые—
Не застелены;
Стоять пляшкы хрусталёвы—
Не налываны;
Сидять гости дорогiе—
Не частованы.

17.

Ты соловейко, мыленькiй,
У тебе голосъ тоненькiй,
Не щебечи рано на зори,
Не завдавай жалю мини!
Бо я живу въ чужiй сторони,
Нема роду при мини,
Нема роду—родыны,
Ни вирнои дружины.

У жениха тоже „вьють гильце“, но потомъ онъ съ буярами присутствуетъ у невѣсты; его не выряжаютъ изъ дому, какъ описано въ „Степу“, это у насъ дѣлаютъ въ воскресенiе. Въ субботу дивчата ужинаютъ у невѣсты, потомъ ихъ буяре провожаютъ домой.

Въ воскресенiе дивчата собираются къ невѣстѣ, садятся за столъ и поютъ до прихода жениха слѣдующiя пѣсни:

18.

Черезъ синечокъ—двое дверечокъ
Щей вышневый садокъ,
Ой тамъ Наталка овесъ сбирала,
Голубонькивъ годувала.
Годувала й напувала,
Зъ голубонькамы розмовляла:
—Голубоньки мои, загудить мини,
Защебечить, соловейки,
Завдайте жалю темному лугу
Щей батеньку моему.
Що винъ мене дае й самъ не знае
Щастя й доли не гадае!
—Доненько моя! не самъ я—
Господь!
Просы, доненько, Господа Бога,
Щобъ щастлыва була доля!
—Уже й просыла, уже й молыла
Доленька нещастлыва!

19.

Оце тоби, ненько моя,
На отходи,
Посадыла травяночку
На горбди.
Росты, росты, травяночка,
Не хылыся!
Живы, живы, ненько моя,
Не журыся!
--Ой якъ мини не хылыцця
Витеръ повива;
Ой якъ мини не журыцця,
Дитя покыда:
Никому постеленьки послать,
Никому головоньки обиськать!

20.

Чи не жаль тоби, моя ненько,
Мене буде,
Якъ мене у твоій хати
Тай не буде?
Тай не будуть подружечки забигать,
Тай не будуть кватырочки одчинять,
Тай не будуть на улыцю выклыкать,
А йтымуть подружечки поузъ твій двиръ
Тай не зайде, не загляне,
Ни одна у твій двиръ.
Йтымуть, ненько моя, та будуть спивать,
Тай будуть тоби, ненько моя, жалю завдавать.
Тай нестымуть черешеньку зъ ягидкамы,
Умыешься, ненько моя, слизонькамы.
Не разъ—не два, ненько моя, тай заплачешь,

Покы мене въ своїй хати тай побачешь,
Не разъ—но два, ненько моя, тай затужешь,
Покы мене, черезъ люды, тай почуешь,
Не разъ, не два, ненько моя, тай заплачешь,
Якъ моихъ подружечокъ де побачешь,
Не разъ не два, ненько моя, тай затужешь,
Якъ ты моихъ подружечокъ тай зачуешь!

21.

Ой по пидъ лисомъ бытая дориженька,
А на взлиси рубленная крыныченька.
Ой туды йшовъ Иванъ съ буярамы,
Ёму калына дорогу заступыла.
Вынувъ шабельку, ставъ калыну рубаты,
Стала калына до ёго промовляты:
—Не рубай мене гострою шабелькою,
А укрый мене красною китайкою.
Не для тебе ця калына сажена,
А для тебе Наталка зряжена,
А для тебе на посадъ посажена!

Когда женихъ подходитъ, то поютъ:

22.

Первыи послы прыйшлы,
Не уміють говорыты,
Ни шапочки зняты,
Ни ручелькы даты.
Шапочка прышытая,
Рученька прыбытая [1]),
Дайте имъ вына,
Щобъ умилы говорыты,
Дайте имъ напытыся,
Щобъ умилы склонытыся!

Въ воскресеніе изъ церкви, женихъ идетъ домой, гдѣ съ дружкомъ, буярами, свитылками и свашками обѣдаетъ, во время обѣда пьютъ не болѣе какъ по двѣ рюмки водки. Послѣ обѣда, дружку́, буярамъ, свитылкамъ и свашкамъ пришиваютъ красныя ленты, мужчинамъ къ шапкамъ, а женщинамъ къ платкамъ. Дружко

[1]) Этими словами въ „Степу“ № 80 заканчивается—у насъ поютъ полнѣй.

благословляется вести въ путь молодого, котораго благословляютъ мать; онъ беретъ „гильце“, а дружко платкомъ выводитъ изъ хаты. За порогомъ во дворѣ стоитъ дижа, на ней: хлѣбъ, ведро воды и кружка; дружко обводитъ жениха три раза вокругъ дижи, а мать въ это время обсыпаетъ его: овсомъ, конфектами, пряниками, орѣхами, деньгами и проч., присутствующія дѣти подбираютъ, а всѣ взрослые поютъ:

23.

Сынъ, матинко, овесець,
Щобъ нашъ овесець рясный бувъ;
Щобъ нашъ Иванъ (имя жениха)
Щастлывый бувъ!

Мать беретъ съ дижи хлѣбъ, благословляетъ сына, беретъ за платокъ, который въ рукѣ жениха и выводитъ со двора, свашки и свитылки дорóгою поютъ:

24.

Ивана ненька родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Сонечкомъ пидперезала,
До тещи выряжала.
До тещи гордóи,
До Наталки молодои.
— Вырякай-же, моя ненько,
Швыденько,
До тіи тещи гордóи
До Наталки молодои!

25.

А у Ивана ласкавая ненька,
Забарыла насъ ласкавымы словамы;
Годувала насъ билымы калачамы,
Напувала насъ пывамы та медамы,
Вырякала насъ зъ скрыпкамы зъ цымбаламы.
Дай Боже, сынови добру годыночьку,
Пиды сыну въ чужую стороночьку,
Прывезы сыну чужую дытыночьку.
— Ой не такъ, маты, чуже дытя взяты,
А треба, маты, у порога постояты,

Та треба, маты, три подарочки даты:
Первый подарокъ червоны чобиткы,
Другій подарокъ—золоты пидкивкы,
Третій подарокъ парчевый очипокъ;
Та тоди тилькы, маты,
Чуже дытя взяты! [1])

Компанія, идущая съ женихомъ, несетъ: 50 шишекъ, 1/2 ведра водки въ бутылкахъ, борону изъ тѣста, на которой сидитъ погонычь тоже изъ тѣста, сапоги для матери невѣсты, а невѣстѣ очипокъ. Когда молодой приближается, парни затворяютъ ворота и не пускаютъ, пока не дадутъ бутылку водки; иногда обманываютъ, даютъ бутылку съ водой. Входятъ во дворъ и останавливаются около порога. Въ хатѣ дружки поютъ „Степъ" № 48 и еще:

26.

Ой розступицця, вы горы камьяные,
Будуть йихать буяре молодые,
Будуть губыты китыци золотые.
Десь узялась свашенька молоденька,
Тай позбирала китыци золотые,
Та звыла вона три виночка дорогые,
Одынъ соби, а другый ста̀ростоньци,
А третій тому, хто въ чужій сторо́ньци.

27.

А у свата пидъ свитлыцею,
Стоить верба зъ росыцею,
А хто тую вербу пидрубае?
А Иванъ вербу пидрубае,
А Наталка росу позбирае.
А вербою кони поганять,
А росою лычко умывать! [2])

[1]) „Степъ" № 42.
[2]) Иногда эту пѣсню поютъ свашки и светылки во дворѣ невѣсты.

Потомъ свитылки и свашки поютъ:

28.

Ой докы-жъ мы та стоятымемъ,
Сыру землю та топтатымемъ,
Червоными чобитками,
Золотыми пидкивками?
Свату, свату,
Пусты насъ у хату;
Тутъ насъ, свату, не багацько:
Тилькы свашка, та свитылочка,
Иванова уся родыночка.
Мы вамъ, свату, не докучемо,
Тилькы кожухы пересушемо,
Та Наталку соби визьмемо! [1])

Буяринъ благословляется войти въ хату съ гильцемъ; когда входитъ, то долженъ выкупить гильце невѣсты, которое стоитъ на столѣ, тогда его убираютъ и ставятъ женихово гильце. Когда буяринъ даетъ деньги, дружки недовольны и поютъ:

29.

Було-бъ тоби у буяре не йты,
Було-бъ тоби день молстыты,
Грошей заробыты,
Гильце выкупыты [1]).

Онъ прибавляетъ, — тогда отдаютъ. Въ насмѣшку буярамъ поютъ, — когда они хотятъ отнять гильце:

30.

Йижте, буяре, капусту,
Не сподивайтесь на моркву,
Бо внадылась свыня зъ боку,
Та вырыла усю моркву.
Йилы буяре юшку,
Та вкралы галушку,
Сюды туды поверталыся,
Галушкою подилялыся,
Самый старшій поспишився,
Галушкою подавывся.

Старшая дружка выходитъ изъ за стола, беретъ бутылку съ водкой и рюмку на тарелкѣ, идетъ на дворъ къ жениху, подноситъ рюмку водки и поетъ:

---

[1]) Ср, „Степъ“ № 52, Чубинскій, № 1254.

[2]) „Степъ“ № 85.

31.

Не знаемъ тебе, якъ зваты,
Маемъ тебе частуваты,
Просымо тебе до господы!

Женихъ бросаетъ ей 15—20 коп., обязательно серебряныхъ, и пьетъ водку, потомъ наливаетъ ей въ ту же рюмку своей водки; а буяринъ даетъ ей кружку съ водой, она беретъ и сливаетъ старостамъ, а дружки поютъ:

32.

Мыють старосты рукы,
Поглядають на килочкы:
Чы не высять рушнычкы
Нашойи паняночкы [1]).

Дають рушники вытирать руки, старосты берутъ и перевязываются ими, а дружкѣ бросаютъ на тарелку 3—5 коп.; дивчата поютъ:

33.

Не дывуйтесь, старосты,
Що коротки рушныкы;
Прядиво не уродыло,
Стара маты не вробыла,
А я, молоденька
Гуляты раденька [2]).

Тогда выходятъ отецъ и мать невѣсты къ жениху; дружко беретъ у жениха борону съ погонычемъ и даетъ отцу; тотъ беретъ, разсматриваетъ и говоритъ, что борона никуда не годится, а погонычъ кривой или слѣпой, женихъ даетъ 10—15 коп. на исправленіе и подчуетъ своей водкой, тесть пьетъ, благодаритъ и даетъ въ подарокъ платокъ, который дружко вырываетъ, три раза махаетъ надъ головой жениха, вытираетъ ему носъ и подпоясы-

[1]) „Степъ“ № 82, стр. 203.
[2]) „Степъ“ № 83.

ваетъ тѣмъ-же платкомъ; тесть подчуетъ зятя своей водкой, сваха подноситъ тёщѣ сапоги, а женихъ даетъ 10—15 коп. на „пидковы"; тёща надѣваетъ сапоги и идетъ на музыку танцовать и поетъ: „Оце ціи чоботы, що зять давъ, а за ціи чоботы дочку взявъ"... и т. д.

Тесть подчуетъ водкой сватовъ и свахъ, которымъ даютъ по шишкѣ и рушнику.

Жениха ведутъ въ сѣни, но тутъ выскакиваетъ какая нибудь изъ тетокъ невѣсты въ вывороченомъ кожухѣ и пугаетъ жениха; буяринъ её отталкиваетъ и выхватываетъ горшокъ съ водой, который долженъ быть у нея въ рукахъ, и забрасываетъ чрезъ голову подальше. Въ сѣняхъ другая тётка невѣсты встрѣчаетъ жениха съ рѣшетомъ въ рукахъ, она подходитъ къ жениху и ко всѣмъ его родственникалъ и поетъ:

34.

Рѣшето тараточе,
Чогось воно хоче,
Срибного-золотого
Отъ князя молодого!

Ей какъ женихъ, такъ и его родственники бросаютъ по 1—2 коп. въ рѣшето, она беретъ и уходитъ.

Ведутъ жениха въ хату и опять задерживаютъ, онъ подчуетъ водкой. Невѣста сидитъ за столомъ, на головѣ у нея калачъ, на которомъ лежатъ двѣ ложки, связанныя красной лентой, все это и лицо покрыто рушникомъ, дружки въ это время поютъ:

35.

Глянь-же ты, Наталко.
Кризь калачь
Карымы очима
Тай заплачъ.
Ось твій иде,
Розмай коса,

Потеряй краса,
Гориховый цвитъ,
Що завьязавъ свитъ! [1]).

Возлѣ невѣсты стоитъ братъ съ палкою и не пускаетъ, женихъ его упрашиваетъ, онъ замахивается палкою и говоритъ: „Я качаны кравъ та сестру годувавъ, а тоби дурно не отдамъ"! Женихъ даетъ ему деньги, а дивчата поютъ:

36.

Не стій, зятю,—не стій, зятю,
За плечима,
Не свиты, зятю,—не свиты, зятю,
Карымы очима.
Заглянь, зятю,—заглянь, зятю,
У кешеню:
Выймы, зятю,—выймы, зятю,
Грошей жменю.

Десь у зятя—десь у зятя
Тай грошей немае,
Що шурына зъ мисця
Не скупляе.
Пиды, зятю,—пиды, зятю,
На тикъ молотыты,
Щобъ шурина—щобъ шурына
Зъ мисця скупыты [2]).

Свашки жениха имъ отвѣчаютъ:

37.

Не пиде, зять,—не пиде, зять,
На тикъ молотыты.
Есть у зятя,—есть у зятя,
Конывъ вороненькій,
Скупе ёго,—скупе ёго,
Братичокъ ридненькій!

Женихъ даетъ ему еще денегъ, тогда братъ отходитъ и говоритъ сестрѣ, что онъ ее продалъ; дивчата поютъ:

38.

Ой татарынъ, братичокъ, татаринъ.
Продавъ сестрыцю, якъ даромъ:

[1]) Ср. „Степъ" № 94.
[2]) Степъ № № 86, 87; Чубинскій, стр. 588.

Русу-косу за пьятакъ
Биле лыченько отдавъ такъ [1]).

Сестра невѣсты беретъ цвѣтокъ изъ вѣнка невѣсты и пришиваетъ жениху на шапку; а дивчата поютъ:

39.

Ой дай маты голку
Й ныточку шовку—
Прышиты виночокъ,
Князю молодому.
Я зятю не дытына,
Щобъ шагы личыла,
Я, зятю, така, якъ ты,—
Кыдай, зятю, все пьять та тры.
Я на цее не дывлюся,
Одъ зятя одвернуся,
До стины очыма,
До зятя плечыма,
Бо я въ батька не гуляла,
Барвинокъ полывала;
Полывала барвиночокъ
Зятеви на виночокъ,
Бо я въ батьковій хати,
На батьковій лави,
Давъ мини батенько волю,
Зяте, надъ тобою! [2]).

Женихъ подходитъ, раскрываетъ невѣсту и цѣлуетъ; невѣста встаетъ, молится иконамъ, цѣлуетъ хлѣбъ, принесенный женихомъ, кланяется: отцу, матери, дядькамъ, тёткамъ, всѣмъ родственникамъ и цѣлуется съ ними. Дивчата поютъ:

40.

Похыльчасте то дерево—ялына,
Покирлыве то дитятко Наталка.
Прыступысь, Наталко, та блызенько,
Поклонысь отцю—неньци та нызенько.
Прыступысь, Наталко, ище блызче—
Поклонись отцю—неньци ище нызче.
Кланяеться, Наталка, кланяеться,
Та дрибными слизонькамы умываеться.

Если невѣста сирота, добавляютъ:

Оглянысь, Наталко, назадъ себе,

---

[1]) „Степъ" № 88.

[2]) Ср. Степъ № 90. Чубин. № 383.

Чи вся твоя родыноньки коло тебе?
— Вся моя родыноньки,
А неньки нема, (или батька)
Та тымъ мене молодую
Журьба обняла [1]).

Дружки просятъ невѣсту, чтобы оно спѣла имъ. Она поетъ;

41.

Дружечки, голубочки,
Чужа сторона доведе до сорома.
Не уміемо и не сміемо,
Просымо васъ!

Они поютъ:

42.

Ой якъ тоби,
Наталко, издаеться,
Що вже твое
Дивованя мынаеться?
— Ой такъ мини,
Подружечки, издаеться,
Кругомъ серце
Кровью льеться—скипаеться,
Що вже мое
Дивованя мынаеться!

43.

Прощай, прощай ты, Наталко,
Сестра наша!
Теперъ мы не твои,
Ты—не наша!
Прощай, прощай ты, Наталко,
Мы уже идемо,
Уже твое дивованя,
Мы соби беремо!
— Берить, берить, подружечки,
Тай не лайтесь,
Вы-жъ моимъ дивованямъ
Подиляйтесь.

Затѣмъ дружки поютъ:

44.

Уже мы понудилы,
Свитонька не видилы,
Хочемо погуляты,
На двиръ танцюваты.
На двиръ танцюваты,
Буяръ выглядаты:
Чы не крыви, чы не горбаты,
Чы уміють танцюваты,

---

[1]) Ср. Степ. № 93, Чуб. № 112.

Чы высоки пидборы,
Чы чорни бровы:
У старшого ногы
Таки якъ у рака,
А самъ рудый, якъ собака,
Щей безъ верхнёи губы,
Якъ пье водку—выдно зубы! [1])

Дружко благословляется вывести молодого и молодую *на прогулянне* къ музыкѣ, куда они идутъ съ дивчатамы, но не танцуютъ. Женихъ незамѣтно уходитъ въ отдѣльную комнату, а невѣста остается на нѣкоторое время и танцуетъ съ буярами.

Часа за два до вечера кладутъ сундукъ и подушки, назначенныя въ приданое, на повозку; но предварительно братъ невѣсты продаетъ ихъ, получая не менѣе 30 коп., шишку и рюмку водки. Везетъ какой-нибудь изъ старостовъ съ двумя свашками, везутъ всегда на волахъ. Отъѣхавъ нѣсколько, погонычъ останавливается и говоритъ, что у него *„привій порвався“*; ему даютъ рушникъ и рюмку водки; нѣсколько дальше опять останавливается и говоритъ, что возъ немазанный, его подчуютъ.

Когда заберутъ приданое, заводятъ жениха и невѣсту за столъ; съ ними садятся и дружки. Вносятъ дижу, на которой лежатъ: коровай, очипокъ и два рушника. Дружко и пиддружій берутъ рушники и благословляются коровай дѣлить. Дивчата поютъ:

45.

Ой, глянь на поригъ,—дыво!
Несуть твойе дило:
Якъ биръ билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке,
Биле извывання,
Вичне покрывання.
Изъ билого цвиту,
Есть ёго по всимъ свиту;
Биле, не лынюще,
Всимъ дивкамъ не минуще [2]).

Потомъ:

46.

Нашъ пивень билокрылый,
Нашъ дружко чорнобрывый;
Не жаль ёму даты
Коровай роскрайуваты.
Нашъ дружко коровай крайе,
Семеро дытей майе;
Та вси зъ кошелькамы,
Увесь коровай забралы [3]).

[1]) Ср. Степъ № 68. Чуб. № 803.

[2]) Степъ № 95 стр. 209 дословно.

[3]) Степъ № 103 тоже самое, только безъ 3 и 4 ст.

Когда раздѣляютъ коровай, свашки берутъ очипокъ, надѣваютъ невѣстѣ и поютъ:

47.

Покрываλочка плаче,
Покрыватыся хоче,
Чепчыка-кыбалочки
На свою головочку.
Дай Боже цилуватыся,
Милуватыся,
Одъ молодости
До старости [1])!

При этомъ свашки цѣлуются между собою; а дивчата поютъ:

Що-жъ бо ты, свашенько, робышъ,
На що-жъ ты кисоньку ломышъ?
Ой, косо, руса, кохана!
Яжъ тебе, кисонько, кохала,
Що субботоньки чесала,
Що недиленьки зряжала,
За одынъ вечиръ стыряла [2])!

49.

Искынь, искынь, бо не годиться,
Краще дивка, якъ молодыця.
Искынь, искынь, бо не подоба,
Не прыстайе очипокъ до лоба [3]).

Свашки поютъ въ отвѣтъ:

50.

Якъ сами схотилы,
Такъ и зробылы;
Зъ кныша паляныцю
Зъ дивчины молодыцю;

Дивчата отвѣчаютъ:

51.

Якъ-бы мы схотилы.
Мы-бъ іи розвертилы,
Заплелы-бъ у дрибнушкы,
Посадылы-бъ у дружкы,
Калыною обквичалы,
Вы-бъ іи не пизналы!

52.

Ой, ненько, уже не раненько,
Чомъ не вчишь мене. ненько?
— Якъ тебе вчиты,
Жаль тебе быты.
Будь сама склонлыва,
Держи въ свитлонци, якъ у виночку,

[1]) Ср. Степъ № 98. [2]) Ср. Степъ № 96. [3]) Степъ № 97.

И рушнычокъ на килочку.
Держи видерце чистесенько,
Водыци повнесенько.
Свекорко війде въ свитлыцю,
Гляне, винъ тебе не налае:
Доброго батька—добра дытына,
Вона мини угодыла.
А свекору годы:
Билу постиль стелы.
А свекруси годы:
Свитлоньку уберы.
А диверу угоды:
Билу сорочку перы.
А зовыци угоды:
Русу косу чешы [1])!

Свашки поютъ дивчатамъ:

53.

Ой, пора вамъ, дивчатка, прощатыся,
Зъ нашею Наталкою розстатыся,
Теперь вона тай не ваша,
Теперь вона наша,
Бо вже-жъ вона пидъ винцемъ стояла,
Хрестъ цилувала, прысягу давала [2]).

Дивчата поютъ:

54.

Брала Наталка лёнъ,—лёнъ,
Выганяла дружечокъ вонъ, вонъ!
Идить дружечки зъ хаты,
Мини зъ вамы не гуляты,
Й калыны не ламаты.
— На що було зазываты,
Якъ зъ хаты выганяты?! [3])—

Тогда буяринъ благословляется вести старшую дружку; ее ведутъ подъ руки и поютъ № 43; вся компанія друженъ и буяръ идутъ къ ней, гдѣ отецъ старшей дружки угощаетъ обѣдомъ и

[1]) Степ № 9 почти тоже, только тамъ поютъ, когда шьютъ приданое невѣстѣ.

[2]) Степ № 104 дословно.

[3]) Ср. Степ № 105. Чуб. стр. 560.

водкой, которой выпиваютъ $1/4$ или $1/2$ ведра, это называется *„дружчины отбувать"*.

Оставшіяся свашки со стороны невѣсты поютъ:

55.

Чого ты, Наталко, сыдышъ?
Чомъ не дякуешъ батькови?
Уже коныкы позапряжены,
Музыченьки понаряжены,
Тилькы систы тай поихать.
—Велю коныкамъ вивса дать,
А музыченькамъ пидождатъ;
Покы прыйде батенько зъ саду
До мене на пораду.
Скоро батенько на поригъ,
Упала Наталка нызенько до нигъ:
Спасыби тоби, мій батеньку,
За твое коханнячко,
Що я у тебе гуляла,
Важкои роботы не знала:
А за юпочку, та на улечку,
А за виночокъ, тай у таночокъ
Погуляты до дивочокъ [1]).

56.

Ой по гори лёнъ,
А по лёну витрецъ віе,
Молодая дивко, Наталко,
Тебе батенько клыче!
—Нехай клыче,
А винъ мене не доклычецця,
Его воля поклыкаты,
Моя воля не послухаты.
. . . .
. . . .

(Въ этой пѣснѣ такое-же обращеніе: къ матери, братьямъ и сестрамъ и отвѣтъ такой же: „не доклычецця", а она „не послухае", потомъ обращеніе къ свекру, свекрухѣ и жениху, которые „доклычуцця и вона послухае" [2]).—

Отецъ и мать берутъ икону, назначенную молодымъ, благословляютъ ихъ, тѣ кланяются, прощаются и цѣлуются со всѣми родственниками, а свашки поютъ:

Хылылыся квиты,
Кланялыся дыты!

Дружко ведетъ невѣсту къ повозкѣ, а бояринъ высаживаетъ; жениху-же дружко даетъ кнутъ и обводитъ три раза вокругъ по-

[1]) Степъ № 138 тоже, кромѣ конца . . . . .

[2]) Ср. Степъ № 142; тамъ поютъ только конецъ, что женихъ ее зоветъ и она слушаетъ.

возки, тогда садятся и уѣзжаютъ къ роднымъ жениха (и поютъ извѣстную на всѣхъ малороссійскихъ свадьбахъ пѣсню: „Рыстю, коныкы, рыстю,...).

Подъѣзжая къ хатѣ жениха, поютъ:

57.

Выйды, матинко, огляды,
Шо-жъ тоби буяре прывезлы,
Чы вивцю, чы ярку,
Чы невистку кохавку;
Чы вивцю, чы ягныцю,
Чы хорошу молодыцю[1]).

Когда пріѣзжаютъ во дворъ мать встрѣчаетъ молодыхъ, беретъ у нихъ икону и хлѣбъ, здоровается и цѣлуется, а свашки поютъ:

58.

Прилитила перепелочка,
Не вчора та теперычка;
Сила вона середъ двору,
Стала по двору литаты,
Стала у хату прохатысь:
Упустить у хату,
Тай не пурхайте, не полохайте,
Нехай вона привыкае,
Той до дому не скучае!

Войдутъ въ хату и сейчасъ же молодыхъ отправляютъ въ назначенвую имъ комнату, гдѣ приготовлена брачная постель. Когда молодые уходятъ, имъ поютъ:

59.

Ой, пиду я въ лугъ по калыну,
Та выломаю калынову квитку,
Та покладу пидъ билу намитку;
Колы бъ мени колывоньки не подавыты,
Колы-бъ мени родыновькы не прогнивыты,
Бо у мене увесь ридъ пышвый,
А у мене батько велышвый,
А свекруха не ридная маты.
Щобъ не выгнала зъ хаты[2]).

Убѣдившись въ цѣломудріи невѣсты, поютъ:

---

[1]) Степъ № 112, дословно.

[2]) Степъ № 113. Чубин. № 1292.

60.

Ой не бійся, матинко, не бійся,
Та въ червони чобиткы озуйся,
Та топчы ворогы пидъ ногы,
Щобъ твои пидкивкы брязчалы,
Щобъ твои ворогы мовчалы.
А неньчыни пидкивкы: брязь, брязь, брязь,
А нашимъ ворогамъ: зась, зась, зась! [1]).

61.

Ой гаю мій, гаю,
Я въ тоби часто буваю,
Я тебе пидпушую,
Водыцею пидхлюпую,
По дорози рострушую,
Щобъ гай бувъ зелененькій,
Щобъ ридъ бувъ веселенькій,
И лавкы и прилавкы
Зъ червонои кытайкы!

62.

Молодець, Иванъ, молодець,
Пидрубавъ вышеньку пидъ корынець,
Посбиравъ ягидкы въ рукавець,
Посыпавъ ягидкы по столу,
Своему роду на славу!—

Тогда-же посылаютъ буярина съ извѣстіемъ къ отцу и матери невѣсты и съ шишкою, перевязанною красной лентой.

Въ домѣ жениха всѣ садятся ужинать, послѣ чего молодые идутъ спать, а родственники гуляютъ цѣлую ночь.

Въ понедѣльникъ утромъ собираются, идутъ на базаръ погулять, заходятъ къ священнику, который читаетъ молитву молодымъ „На разрѣшеніе вѣнцевъ“ и покрываетъ молодую платкомъ; отъ священника идутъ на базаръ, гуляютъ часа два, пока въ домѣ жениха приготовятся, но, сейчасъ-же, женихъ со сватами и музыкой идетъ къ отцу невѣсты просить къ себѣ въ гости, невѣста остается; когда идутъ съ ними обратно, то на половинѣ дороги

---

[1]) Степ. № 114. Чубин. № 1316.

стелютъ солому, на которой садится мать невѣсты, какой-нибудь сватъ подчуєтъ её и отца, а женихъ подымаетъ ее и ведетъ подъ руки. Свашки поютъ:

63.

Ой, зять тещу веде
За билую ручку,
За билую ручку,
За честную дочку [1]).

64.

Ой, зять тещу просе,
Въ рукахъ шапочку несе,
И теща моя и голубка моя,
Иды-жъ до мене,
Та и есть у мене
Ажъ тры бочкы меду,
Все для твого роду [2]),

Когда мать приводятъ къ дому, то стелютъ холстъ, по которому она идетъ и ей поютъ:

65.

Ой брехалы превражіи люде,
Шо Наталка не добрая буде;
Ажъ вона добресенька,
Якъ рожа повнесенька,
А жъ вона прыдалася,
Якъ рожа розцвилася [3]),

Всѣ садятся за столъ, дружко раздѣляетъ коровай жениха, потомъ говоритъ:

Вотъ вамъ хомутъ и дуга,
А я вамъ больше не слуга.

Женихъ беретъ бутылку съ водкой, а невѣста тарелку съ рюмкой, и подносятъ всѣмъ присутствующимъ, которые дарятъ имъ, кто что можетъ, на новое хозяйство, чаще всего по мѣшку хлѣба, а самые близкіе родственники овцу или тёлку. Послѣ даренья идутъ къ отцу и матери невѣсты, гдѣ гуляютъ вечеръ и всю ночь; во вторникъ гуляютъ у дружка̀; въ среду—у ближайшихъ родственниковъ.

Въ среду же рядятся и ходятъ по дворамъ тѣхъ, кто былъ на свадьбѣ, красть куръ для четверга, куръ несутъ къ отцу же-

---

1) Степъ № 117.
2) Степъ № 118.
3) Степъ, № 119.

ниха. Поѣвши куръ, благодарятъ „весильнаго батька“, который приглашаетъ всѣхъ на пятницу зубы полоскать.

Въ пятницу собираются компаніями, берутъ курицу, украшенную лентами, и несутъ въ подарокъ какому нибудь шинкарю еврею, онъ принимаетъ, благодаритъ и даетъ взаимно въ подарокъ полкварты водки, компанія остается пить её и при этомъ выпиваютъ у того-же еврея не менѣе какъ на 10 руб. водки и пива; понятно, еврею выгодно принять въ подарокъ украшенную курицу; иногда такихъ курицъ отнесутъ разнымъ шинкарямъ 3—4, если свадьба богатая; вечеромъ приходятъ къ жениху.

Въ субботу нѣкоторые изъ родственниковъ приходятъ навѣстить отца и мать жениха: „чы жыви, чы здорови, та щобъ тыждень защитать“,—и приносятъ бутылку своей водки, тогда уже конецъ свадьбы.—

Самая бѣдная свадьба у малороссовъ обходится до 50 руб.—средняя не менѣе 100 руб.

II. Свадьба у великороссовъ.

Великороссы женятъ сыновей раньше, чѣмъ малороссы. Едва исполнится парню 18 лѣтъ, какъ отецъ высматриваетъ подходящую невѣсту и предлагаетъ сыну жениться; часто, впрочемъ, засватываютъ сыновей въ 17 и 16 лѣтъ, теперь этотъ обычай выводится, потому что невѣсты нарушаютъ обѣщаніе и, не дождавшись, выходятъ за другаго и тогда приходится судиться. Указавъ сыну намѣченную невѣсту, отецъ спрашиваетъ его согласія (это завелось недавно, а лѣтъ 5—10 назадъ не спрашивали, а женили по своему усмотрѣнію); если сынъ изъявитъ согласіе, то посылаютъ свата или сваху, обязательно изъ ближайшихъ родственниковъ; женихъ не идетъ. Сватъ, отправляясь, не беретъ ни хлѣба, ни водки; придя и поздоровавшись, говоритъ сначала о постороннемъ, а потомъ уже прямо: „Вотъ у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ, не будемъ-ли мы родней?“—Свата спрашиваютъ, отъ кого онъ и по первому разу отказываютъ, ссылаясь на жену и невѣсту, послѣдняя не присут-

ствуетъ, а мать спрашиваетъ ея согласія на дворѣ, если невѣста, отецъ и мать согласны, то говорятъ свату, чтобы онъ пришелъ на слѣдующій день утромъ, а они посовѣтуются съ родней (самый главный совѣтъ съ крестной матерью невѣсты). Отецъ невѣсты собираетъ близкихъ редственниковъ и спрашиваетъ ихъ совѣта.

Утромъ, пока сватъ придетъ, родня невѣсты уже въ сборѣ; когда онъ приходитъ и видитъ родственниковъ, то знаетъ, что отказа не получитъ, въ противномъ случаѣ не было бы родни, но все же сватъ спрашиваетъ:—„Ну—что? какъ дѣла?"—Ему шутя отказываютъ, говорятъ, что у нихъ дѣвка для нихъ неподходящая, лѣнивая, или слѣпая и высказываютъ другіе недостатки, которыхъ нѣтъ. Сватъ кланяется и проситъ всѣхъ; послѣ усиленныхъ просьбъ, отецъ говоритъ: „Какъ рѣшитъ невѣста, такъ и будетъ". Ее зовутъ—сватъ кланяется ей и проситъ согласія; если она изъявитъ его, отецъ и всѣ присутствующіе, до той поры сидѣвшіе, встаютъ, молятся Богу и говорятъ: „Ну, пусть Богъ помогаетъ, приходите съ водкой!" Сватъ, не прощаясь, спѣшитъ къ отцу жениха и говоритъ: „Помоглось, слава Богу, пойдемъ съ водкой". Берутъ ведро водки, хлѣбъ и идутъ съ ближайшими родственниками и женихомъ. Входятъ въ домъ, здороваются; отецъ жениха спрашиваетъ: „Что, какъ дѣла? хлѣбъ-соль принимаете?" Ему отвѣчаютъ, что, слава Богу, принимаемъ. Отецъ ставитъ водку на столъ и кладетъ хлѣбъ.

Если женихъ и невѣста знакомы, то ихъ не приглашаютъ, а иногда зовутъ и спрашиваютъ согласія, когда они изъявятъ его, отецъ невѣсты снимаетъ икону, и кладетъ на столѣ; отецъ и мать невѣсты и жениха, а вмѣстѣ съ ними и молодые бьютъ поклоны, цѣлуютъ икону и другъ друга; женихъ съ невѣстою кланяются въ ноги родителямъ, цѣлуютъ ихъ въ руки и губы, потомъ идутъ въ другую половину дома, а всѣ присутствующіе садятся за столъ, пьютъ водку жениха до утра, если ведра водки не хватаетъ, то отецъ жениха идетъ за другимъ. Поклоны, цѣлованіе иконы и родителей между собою, служитъ какъ бы присягою на вѣрность согласія.

Въ другой половинѣ дома, кромѣ жениха и невѣсты, бываетъ 3—4 дѣвки, родственницы невѣсты, онѣ разговариваютъ, ѣдятъ сѣмечки или орѣхи и пьютъ водку, бутылку которой женихъ приноситъ въ карманѣ.

Обрядъ этотъ называется „*запой*",—въ это время родители условливаются, когда сдѣлать „*пропой*"; обыкновенно его назначаютъ на воскресенье, недѣли чрезъ двѣ.

Дня за три—четыре до пропоя, отецъ жениха идетъ извѣстить отца невѣсты, чтобы онъ готовился въ воскресенье на *пропой* и приноситъ штофъ водки; въ субботу опять идетъ узнать, готовится ли сватъ и тоже приноситъ штофъ.

Собравши всю родню свою, отецъ жениха идетъ къ невѣстѣ, женихъ приглашаетъ нѣсколькихъ парней. Родня невѣсты собирается вся, такъ же, какъ и близкіе сосѣди.

Отецъ жениха приноситъ не менѣе 3 ведеръ водки, садятся за столъ и гуляютъ. Женихъ съ парнями и дѣвками, приглашенными невѣстой, въ другой хатѣ сидятъ за столомъ; товарищъ жениха подноситъ за каждымъ блюдомъ по рюмкѣ водки, невѣста не сидитъ, а подаетъ кушанья, не ѣстъ, а водку пьетъ, сколько можетъ, въ каждую очередь ей подносятъ первой.

Родители, во время пропоя, заключаютъ разныя условія: насколько времени присватываютъ,—самое меньшее, чтобы чрезъ два мѣсяца вѣнчать, а то вѣнчанье откладывается на нѣсколько мѣсяцевъ, даже на годъ, (а въ рѣдкихъ теперь случаяхъ на два года),—сколько отецъ жениха долженъ дать „*поклажнаго*" невѣстѣ (самое меньшее 10—15 руб. у бѣдныхъ, у среднихъ и богатыхъ до 50 и болѣе руб.); затѣмъ при людяхъ отецъ жениха обѣщаетъ, что когда будетъ брать невѣсту, привезетъ ей новые сапоги и шубу (кожухъ). Бьютъ по рукамъ и гуляютъ цѣлую ночь. На утро идутъ похмелять свата, т. е. отца жениха, пьютъ и ѣдятъ у него, а потомъ расходятся по шинкамъ, каждый сватъ со своей родней. Въ рѣдкихъ случаяхъ отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ и угощаетъ своей водкой, это только богатые, которые совѣстятся ходить по шинкамъ.

Послѣ пропоя, каждый праздникъ (разумѣется въ большіе праздники), до дня свадьбы, отецъ жениха долженъ приглашать родителей и ближайшихъ родственниковъ невѣсты къ себѣ и угощать ихъ; кромѣ того каждый понедѣльникъ (у насъ по понедѣльникамъ большіе базары) отецъ жениха долженъ на базарѣ угостить свата и роспить съ нимъ и кто еще случится изъ его родственниковъ полкварты водки, если сватъ взаимно угоститъ, хотя чвёрткой, то онъ долженъ эту чвертку *покрыть* непремѣнно полквартой, а то и больше, такъ что понедѣльникъ обходится не менѣе рубля. Понятно, что для бѣдныхъ немыслимо уговариваться на годъ. Предъ днемъ вѣнчанья отецъ жениха идетъ извѣщать свата и несетъ штофъ водки.

Въ воскресенье молодые, даже бѣдные, ѣдутъ на тройкахъ въ церковь; во время вѣнчанья у жениха и невѣсты вѣнцы держатъ отецъ и мать крестные; теперь у многихъ изъ подражанія малороссамъ, вѣнцы держатъ парни и дѣвки, хотя крёстные обязательно стоятъ возлѣ нихъ. Послѣ вѣнчанія на тройкахъ, украшенныхъ лентами и платками, съ колокольчиками и бубенцами, объѣзжаютъ вокругъ церкви и ѣдутъ къ жениху на обѣдъ. Съ невѣстой ѣдетъ только: братъ, дѣвки и крёстные. Обѣдаютъ скромно—выпьютъ по двѣ—три рюмки водки и отвозятъ невѣсту къ отцу, гдѣ не бываетъ никакого угощенія.

За нѣсколько дней до свадьбы, отецъ жениха, взявъ штофъ водки и пригласивъ нѣсколькихъ мужчинъ, своихъ родственниковъ, идетъ къ свату, это называется: *„идти съ повѣстью“*, т. е. извѣщать, чтобы готовились къ свадьбѣ; утромъ же того дня, когда должна быть *вечерина*, онъ опять идетъ къ свату и тоже со штофомъ водки, узнать, готово ли все?

Отъ свата онъ обходитъ только нѣсколькихъ особенно уважаемыхъ родственниковъ, остальныхъ приглашаетъ на свадьбу женихъ; невѣста съ одной изъ своихъ подругъ тоже обходитъ и приглашаетъ своихъ родственниковъ; ей даютъ деньги, кто сколько желаетъ; внѣшнихъ признаковъ, что она невѣста, никакихъ нѣтъ; иногда распускаетъ косу, это, вѣроятно, заимствовано у малороссовъ.

Передъ вечеромъ дѣвки собираются и ведутъ невѣсту въ баню, но такъ какъ бань у нашихъ крестьянъ нѣтъ, то ведутъ въ другой домъ или къ сосѣду.

Когда ведутъ, дѣвки поютъ:

1.

Разтопися, банюшка,
Разтопися, камянка!
Разсыпься бѣлъ жемчугъ
По столу дубовому,
По серебряному блюдечку.
Расплачься, Аннушка,
Предъ роднымъ батюшкой:
Государь вы мой, батюшка,
Вы на что пиво варите?
Вы на что—зелёно—вино?
Дитя-ль моё, дитятко,
Чадо милое!
Ко мнѣ сваты будутъ,
А къ тебѣ женихи,
Сваты ходатаи,
Женихи богатые.
— Государыня моя, матушка,
Вы на что муку сѣете,
На что пироги печете?
Дитя-ль моё, дитятко,
Чадо милое!
Ко мнѣ сваты будутъ,
А къ тебѣ женихи,
Сваты ходатаи,
Женихи богатые!

Съ дѣвками и невѣстой идетъ крёстная мать, она беретъ бутылку водки и въ домѣ даетъ по рюмкѣ дѣвкамъ, невѣста ложится на разостланномъ кожухѣ и плачетъ. Дѣвки посидятъ нѣкоторое время и выходятъ. Когда идутъ, то поютъ:

2.

Изъ синя моря волны бьютъ,
Съ высокаго терема Аннушку ведутъ.
Подайте мнѣ коника батюшкинаго,
Батюшкинъ коникъ не устоялъ,
Аннушкину красоту не удержалъ.
Изъ синя моря волны бьютъ,
Съ высокаго терема Аннушку ведутъ.
Подайте мнѣ коника матушкинаго
. . . .
и т. д, то же, что и въ первомъ обращеніи.

Когда войдутъ въ домъ, невѣста плачетъ и поётъ:

3.

Спасибо вамъ, родный батюшка,
За паръ, за банюшку, за шелковый вѣничекъ:
Спасибо вамъ, родная матушка,
За паръ, за банюшку, за шелковый вѣничекъ!

Потомъ обращается къ дѣвкамъ и поетъ:

4

Погостюйтя, милыя дѣвушки,
У родного батюшки,
У родной матушки,
Послѣдній вечерокъ!

Дѣвки садятся за столъ,—на первомъ мѣстѣ, подъ иконами, сестра жениха,—ѣдятъ сѣмячки, орѣхи, конфекты и поютъ слѣдующія пѣсни:

5.

Скакнула кукушечка за селомъ,
Восплакнула Аннушка за столомъ,
Восплакнула Ивановна за новымъ:
Какой ты, батюшка, не желанный,
Отдаешь меня горькую отъ себя,
Остается зеленая мята у тебя.
Ужъ я эту зеленую мяту поливала.
Утренними и вечерними зарями,
Горькими—горючими слезами.
Ворвался Ивановъ конь въ огородъ,
Всю эту зеленую мяту притолокъ.
Увидала матушка, вскричала,
Увидала Аннушка смолчала!

6.

Ѣдутъ наши подольнички съ подолу,
Везутъ они за собой писарей

Поглядитя, родимый батюшка,
Что у писарей списано?
У писарей разлука написана,
Разлучають Аннушку съ батюшкой,
Ивановну съ роднымъ.
Приручають её Ивану[1]).

7.

Нечаяла родимая матушка
Молодехоньку сбыть;
Сжила, сбыла, родимая матушка
За единный скорый часъ,
Сжимши, сбымши, родимая матушка,
Начала плакать и рыдать:
Выйди-ка, родимое дитятко,
На свой крутой бережокъ
Воротися-ка, дитятко, назадъ,
Позабыла золотые ключи взять!
Не ключики, родимая матушка,
Свою дѣвичью красоту!

8.

Травка-муравка шелковая,
Безъ поры безъ времени
Стала травка вянуть.
Безъ причинушки другъ Ванюша
Въ иную влюбился!
Воля моя, воля дорогая!
Дѣвка по саду гуляла,
Красоту свою теряла,
Красоты у дѣвки не стало,
Въ острожокъ, шельма, попала.
Тошно—грустно красной дѣвкѣ
Въ острожку сидѣть,
Разтошнёхонько, другъ Ванюша,
Въ окошко смотрѣть.
Мимо этого окошка
Лежала стёжка—дорожка,
По этой дорожкѣ много ѣдуть,
Много ѣдуть все купцы,
Бояре, господа, мѣщане,
А моего дружка, Ванюши,
Здѣся нѣту, онъ за рѣчкой гуляя,
За быстрой, шельма, шатается,
Черной шляпой махая,
Черной шляпой пуховой,
Рукой правой—лентой голубой!

---

[1]) Такое-же обращеніе и къ матери.

9.

Вишенька красная
Въ зеленомъ саду росла,
Противъ солнышка цвѣла,
Противъ ясной зари.
Черезъ мой высокій теремъ,
Пролеталъ ясный соколъ,
Уронилъ свое перо,
Перо сизокрылое.
Матушка заговорила:
Аннушка, подыми,
Ивановна, подхвати!
Маменька, не могу,
Сударыня, не могу:
Я по сѣнюшкамъ хожу,
Жемчугъ на руки нижу,
Къ обѣденькѣ спѣшу,
Жениха выбирать.
Выбирала молодца,
Съ государскаго дворца
Ивана молодца.
Онъ чистый—рѣчистый,
Хорошо говоритъ, выговари-
ваетъ,
Онъ по улицѣ идётъ—съ трос-
точкой,
На тросточкѣ ленточка голубая,
Этой ленточкой выхваляется,
Мнѣ Аннушка дала—пожаловала,
То-то лента, то-то алая моя!

10.

Соловей мой, вольная пташечка,
Горемычная кукушечка!
Не пой соловей жалобнёхонько!
Мнѣ и такъ дѣвкѣ жить тошнё-
хонько!
Пропилъ меня, родный батюшка,
За винную одну чарочку,
За горькаго за пьяницу,
У кабакъ онъ идетъ, шатается!
Пропила родная матушка,
За винную одну чарочку,
За горькаго за пьяницу,
У кабакъ онъ идетъ валяется,
Съ кабака прійдетъ издѣвается:
Что постелюшка не постлана,
Одѣяльцо не разостлано!

11.

Что это за вѣтеръ?
Когда дунетъ—когда нѣтъ.
Что это за пиво?
Когда пьется—когда нѣтъ.
Что это за солнце?
Днемъ свѣтитъ—ночью нѣтъ.
Что это за мѣсяцъ?
Ночь свѣтитъ—а ночь нѣтъ,
Что это за милый?
Когда любитъ—когда нѣтъ.
Здѣсь люди живутъ лихіе,
Не совѣтуютъ любить,
Велятъ бросить позабыть.
Я тогда тебя забуду,
Когда скроются глаза,
Накроютъ мои ясныя очи
Тонкимъ-бѣлымъ полотномъ,
Понесутъ мое бѣлое тѣло

На крутую на гору,
Опустятъ мое тѣло бѣлое
У могилу глубокую,
Засыпятъ тѣло бѣлое
Желтымъ бѣленькимъ пескомъ!

12.

Дорожка широкая,
Московская столбовая,
Тамъ никто не ходитъ,
Никто не ѣздитъ.
Тамъ шли-прошли
Два братца родные.
Зашли они къ своей сестрицѣ,
Подошли они къ воротцамъ,
Воротцы позаперты:
Замками турецкими,
Ключами нѣмецкими.
Постучать мы не можемъ,
Покричать мы не смѣемъ!
Сестрица по двору ходила,
Гуси-лебеди гоняла,
Невзначай сестра глянула;
Идё сестра, горько плача,
Въ рукавъ слезы роняя.
Здоровы-ли мои, братцы,
Здоровы-ли мои родные?
—Здоровы, наша сестрица,
Здоровы, наша родная!
Дома-ль твой лютый свекоръ,
И лютая свекровья?
—Мово свёкора дома нѣту,
А свекровьи и не бывало!
—Дома-ль твоя, милая, лада?
Поди лады доложись и спросись.
—Встань, лада, проснись,
Пришли къ намъ гости,
Твои шуряки, а мои братья.
—Отойди, жена немилая,
Вся твоя родня мнѣ постылая!
Идё сестра, слёзно плача,
У рукавъ слёзы роняя,
Идите, мои братцы,
Вдоль по дорожкѣ
И поклонитесь батюшкѣ
И матушкѣ у ножки,
Было-бъ имъ на богатство не кидаться,
Чрезъ злато слёзы льются,
Черезъ сребро катятся!

Если невѣста сирота, то поютъ:

13.

Рѣка-ль моя, рѣчушка быстрая,
Стоишь не шелохнёшься,
Противъ вѣтру, противъ буйнаго
Противъ терема высокаго,
Противъ садика зеленаго.
Что-жъ ты сидишь, Аннушка,
Не усмѣхнёшься?
—Чего-же мнѣ смѣяться?
У меня батюшки нѣту,
Благословить молодую некому:
Благословите, люди добрые,
Всѣ сосѣди приближенные
И вы, милыя подружечки!

Невѣста не сидитъ за столомъ, какъ у малороссовъ, а со стороны слушаетъ пѣсни.

Когда дадутъ знать, что женихъ съ родней и сватами подходитъ, то поютъ:

14.

За лѣсомъ, лѣсомъ,
Солнышко играя,
Иванъ коня сѣдлая.
Выходилъ батюшка изъ терема,
Куда мое дитятко собрался?
— Родимой мой батюшка, въ дорогу,
Пожалуйте, батюшка, подмогу:
Сорокъ человѣкъ верховыхъ,
Пятьдесятъ каретъ золотыхъ!
За сѣньми, сѣньми,
Тчетъ Аннушка ковры,
Перетыкаетъ перестенями,
Замачиваетъ слезами.
Выходила матушка изъ терема,
—-Будя, дитятко, ковры ткать,
Пойди, моя милая,
За столъ сядь.
Будутъ тебя дарить:
Первымъ даромъ рукавкомъ,
Вторымъ даромъ платкомъ,
Третьимъ даромъ женихомъ.

Въ субботу вечеромъ вся родня жениха собирается къ нему. Когда всѣ въ сборѣ, садятся за столъ и женихъ съ ними; выпьютъ по рюмкѣ водки, дружко встаетъ, молится Богу, беретъ хлѣбъ и отправляются; съ родственниками идутъ: отецъ, мать и женихъ, родственники жениха, 9 человѣкъ, берутъ по штофу водки, по хлѣбу и пирогу, бабы берутъ три куска мяса, отецъ жениха штофъ краснаго вина, дружко беретъ еще бутылку водки, пирогъ и свѣчу, все это онъ беретъ для дѣвокъ; за компаніей ѣдетъ подвода съ боченкомъ водки въ 3—4 ведра.

Войдутъ во дворъ жениха, дружко подходитъ къ окну, стучитъ и три раза читаетъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“—

Ему отвѣчаютъ: „Аминь!“—

Онъ говоритъ:—Спаси Христосъ!—и продолжаетъ;

— Здравствуйте, мои милые, сотворите, ради Христа, милостыню на погорѣлое!

— Что-же вы собираете: ржицу или пшеницу?

— Что-жъ, милые, у насъ не родитъ ржица, а всё пшеница.

— Съ чего-жъ у васъ пожаръ случился?—

— Зимній Николай ударилъ съ горы, по самые дворы какъ ножомъ обрѣзало; хлѣбъ сгорѣлъ, а мѣшки цѣлы остались, затѣмъ и побирались. Повозочки не одной не осталось, по самыя оглобли какъ ножемъ обрѣзало. Да еще другая бѣда случилась: жена въ Петровку на льду убилась; осталось дѣтей шестеро, кромѣ Нестера, какъ мать народила голыхъ, нѣтъ-ли у васъ, милые, холстинки?

Дружки выбираютъ разбитного балагура. Затѣмъ онъ спрашиваетъ; „Есть-ли этому дому хозяинъ?"

Ему отвѣчаютъ, что есть; онъ просится, чтобы пустили переночевать; ему говорятъ, что тѣсно, семейство большое и проч., онъ говоритъ, что помѣстимся: кто на лавку, кто подъ лавку, а кто и такъ постоитъ, лишь-бы обогрѣться, что они люди прохожіе; ихъ не пускаютъ, они просятъ вызвать хозяина.

Отецъ невѣсты выходитъ, его всѣ просятъ.—

„Ну, Богъ съ вами, говоритъ онъ, милости просимъ!"

Входятъ въ домъ, а дѣвки подымаются и поютъ:

15.

Иди сватъ у хату,
Неси сватъ горѣлки, (водки)
Перехрипли дѣвки;
Неси сватъ пойло,
Перехрипло горло! —

Дружко говоритъ: „Здравствуйтя, красныя, дѣвки!"

— Здравствуйтя!

— Какъ-бы вы вышли на просторъ, а мы сѣли-бы за столъ, мы люди прохожіе!

— Мы не сами сѣли, а насъ посадила Аннушка Ивановна!

— Какъ-бы вы распространились!

— Положите рубликъ на столъ, а мы выйдемъ на просторъ, а вы сядитя за столъ!—

— А не хотите-ли 700 блохъ въ желѣзныхъ путахъ и 3 пуда комароваго сала!

— Пусть у васъ будетъ.

Дружко даетъ 3 коп.

— На одномъ колесѣ не доѣдитя!

Дружко даетъ еще.

— Намъ бѣда и такъ надоѣла.

Даетъ еще.

— На трехъ колесахъ не довезётя!

Даетъ еще.

— Нужно еще: заливочки, закусочки и освѣщеніе.

Дружко даетъ бутылку водки, пирогъ и свѣчу.

Дѣвки берутъ и уходятъ. Дружко обращается къ свату, чтобы благословилъ за столъ сѣсть. Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ благословитъ“!—Пришедшіе родственники жениха кладутъ на три стола по три хлѣба и три пирога, а на главный столъ всѣ 9 штофовъ водки и 10 краснаго вина. Дружко проситъ назначить контору и конторщика для боченка съ водкой и спрашиваетъ: „Вся-ли милая родня невѣсты собрана?“ Если скажутъ, что вся, тогда онъ читаетъ молитву и садятся: отецъ и мать жениха и невѣсты на первыхъ мѣстахъ, рядомъ съ ними отецъ и мать крестные жениха и невѣсты, за тѣмъ по порядку кто ближе изъ родственниковъ невѣсты, на второстепенныхъ столахъ родственники жениха; если не помѣщаются, то и стоятъ, не считая себя этимъ обиженными.

Прежде чѣмъ начать ужинать, дружко торгуется съ отцомъ невѣсты: по сколько рюмокъ водки поднесть подрядъ до ужина, всегда не менѣе двухъ, а иногда и по четыре.

Зовутъ стряпухъ, подчуютъ и ихъ въ ряду; когда окончатъ предварительную выпивку, подаютъ холодное. Предъ каждымъ блюдомъ дружко на главныхъ столахъ подноситъ по рюмкѣ и проситъ назначить подносчиковъ на другіе столы. Ѣдятъ: холодное, борщъ, лапшу, жаркое, и когда подадутъ молочную кашу, дружко говоритъ: „Ѣдимъ да пьемъ, а не знаемъ за кого!“—Крестная мать невѣсты встаетъ и идетъ за невѣстой, которая или въ другомъ

домѣ, или въ другой половинѣ съ женихомъ, дѣвками и парнями, крестная беретъ какую-нибудь чужую дѣвку, накрываотъ платкомъ и приводитъ ее, та кланяется.

Крестная мать говоритъ: „Узнаете—вашъ-ли товаръ?"—Дружко: „Нашъ товаръ водку пьетъ!" Наливаетъ рюмку и подаетъ, дѣвка кланяется и пьетъ. Дружко: „Нѣтъ это не наша, слишкомъ низкопоклонная!" Ее уводятъ и приводятъ другую, тоже чужую, и опять тоже. За третьимъ разомъ приводятъ невѣсту открытой, когда ее увидятъ, то говорятъ: „Вотъ это нашъ товаръ!" Она кланяется всѣмъ и здоровается, цѣлуясь съ отцомъ и матерью жениха. Дружко подноситъ ей рюмку водки, она беретъ, но но пьетъ. Отецъ жениха говоритъ: „Если не пьетъ, то пусть намъ поднесетъ". Она беретъ штофъ и двѣ рюмки на тарелкѣ и подноситъ всѣмъ присутствующимъ, ей бросаютъ деньги, съ водкой она идетъ на свою половину, подчуетъ парней и дѣвокъ, которые тоже бросаютъ деньги, а женихъ кладетъ обязательно рубль; послѣ этого подаютъ на всѣхъ столахъ непремѣнно гречневую кашу,—послѣднее блюдо у великороссовъ при всякихъ случаяхъ. Невѣста вторично приходитъ и подчуетъ только родителей и крестныхъ.

Послѣ каши подымаются,—молятся, но дружко проситъ всѣхъ присѣсть, говоря: „Послѣ каши—нѣтъ паши!" и даетъ еще по рюмкѣ водки. Выходятъ изъ за стола; отецъ жениха проситъ проводить ихъ; провожаютъ и во дворѣ еще подчуютъ, тутъ отецъ невѣсты подчуетъ своей водкой, это только одинъ разъ за цѣлый вечеръ отецъ невѣсты угощаетъ своей водкой. Прощаются и уходятъ, бабы поютъ и танцуютъ дорогой. Музыка на вечеринахъ не бываетъ, да и вообще, прежде на великорусской свадьбѣ никогда музыки не бывало, кромѣ гармоники, а теперь, какъ и у малороссовъ, бываетъ, но на другой день. Когда уходятъ съ вечоринъ, мать невѣсты даетъ дружку рушникъ, который онъ долженъ передать жениху, на утро онъ долженъ явиться за невѣстой съ этимъ рушникомъ [1]).

---

[1]) Какое значеніе этого рушника я не знаю, и никто не могъ мнѣ объяснить. Это древній обычай, вѣроятно, имѣвшій значеніе, теперь утраченное.

Въ домѣ жениха всѣ родные, бывшіе на вечеринахъ, садятся съ женихомъ и ужинаютъ, такъ какъ многимъ изъ нихъ не удается достаточно выпить и поѣсть. За ужиномъ уговариваются, кто на утро долженъ запречь тройку, а кто пару, чтобы ѣхать за невѣстой. Утромъ нѣсколько подводъ, больше троекъ съ бубенцами и колокольчиками, украшенныя платками и красными лентами, ѣдутъ къ невѣстѣ; на подводахъ очень мало родственниковъ жениха, такъ какъ нужно будетъ съ невѣстой брать всѣхъ главныхъ родственниковъ ея. Предъ тѣмъ, какъ ѣхать, садятъ жениха за столъ и отецъ благословляетъ его иконою.

При въѣздѣ во дворъ невѣсты, парни ихъ останавливаютъ, хотя они и говорятъ, что этотъ дворъ имъ знакомый, что они были съ вечера, что тутъ много овса и сѣна лошадямъ, но ихъ не пускаютъ пока не дадутъ штофъ водки. Во дворѣ дружка и жениха мальчишки не пускаютъ, пока не дадутъ гостинцевъ. Входятъ въ домъ, дѣвки поютъ № 15 и опять то же, что и на вечеринѣ.

Братъ продаетъ косу; невѣста плачетъ и поетъ:

16.

Благословите, родный батюшка,
Мнѣ на мѣсто сѣсть;
Благословите, родная матушка,
Мнѣ на мѣсто сѣсть!

Такое-же обращеніе къ крестной матери, братьямъ и сестрамъ; когда поетъ, то кланяется тому, къ кому обращается. Дружко беретъ потникъ и овесъ, разстилаетъ, а крестная мать ведетъ невѣсту и садитъ на немъ, она плачетъ и поетъ:

17.

Благословите, родный батюшка,
Мнѣ косу расплести;
Благословите, родная матушка
Мнѣ косу расплести!

Такое-же обращеніе: къ братьямъ, сестрамъ и крестной.

Дѣвки поютъ:

18.

Не въ трубушку трубитъ
Рано по зорѣ;
Аннушка плачетъ
По русой косѣ.
Вечóръ твою кóсушку
Дѣвушки плели;
По утру ранехонько
Пріѣхала свашенька,немилостивая,
Взяла косу русую расплела,
На двое кóсушку раздѣлила.

Жениха сажаютъ съ невѣстой за столомъ и кладутъ коровай жениха сверху невѣстинаго; всѣ тоже садятся, дружко подноситъ по рюмкѣ водки, всѣ встаютъ, а дѣвки поютъ:

19.

Друженька, ты боярскій сынъ
Любишь-ли ты адонью[1]) ржи?
—Какъ не любить,
Когда Богъ зародилъ!
—Друженька, ты боярскій сынъ,
Любишь-ли ты коня въ сѣдлѣ,
Въ золотой уздѣ?
—Какъ не любить,
Когда ѣзжу на немъ!
—Друженька, ты боярскій сынъ,
Любишь-ли ты Аннушку,
Свою дочь Ивановну?
—Какъ не любитъ,
Когда Богъ сручилъ?

Благословляютъ молодыхъ иконою и выводятъ на дворъ; дѣвки поютъ № 7-й.

Женихъ съ иконою, короваями, окруженный мужчинами—родственниками невѣсты, садится па первую тройку, а невѣста съ женщинами—родственницами жениха и своими на вторую; когда усаживаютъ невѣсту, то осыпаютъ овсомъ, конфектами и орѣхами, за воротами останавливаются, дружко возвращается въ домъ и оставляетъ на столѣ два штофа водки отцу и матери, чтобы не скучали по дѣвкѣ и одного человѣка изъ своихъ, который обязанъ потомъ просить ихъ въ гости къ жениху. Ѣдутъ во весь карьеръ къ центру мѣстечка съ пѣснями, по базару и вокругъ церкви ѣдутъ тихо, потомъ ѣдутъ къ жениху. Когда ѣдутъ, поютъ слѣдующія пѣсни:

---

[1]) Адонья—стожокъ.

20.

Веселые дни начинаются.
Наступили на насъ слезливыя времена
Слышу-вижу, милый, досаду,
Со всего свѣта напасти вышли на меня.
Никому я досады дома не скажу:
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ, ни своей роднѣ,
Скажу подружкѣ своей потайной:
Ты, сестрица, ты подружка, голубка моя,
Ты не знаешь мово горя;
Разсердился сердечный другъ на меня,
Ходитъ по широкому двору,
Зашелъ въ новую конюшню,
Беретъ черкесское новое сѣдло,
Сѣдлаетъ свово ворона коня,
Зъѣзжаетъ со широка двора,
Поровнялся противъ новаво окна.
—Куда, милый, задумалъ, куда загадалъ?
—Я задумалъ, загадалъ въ новый городъ:
Чи продать, чи промѣнять вороново коня!

21.

За рѣчкой за рѣчкой,
Свёкоръ сноху домой клича:
Невѣстушка молодая,
Иди домой поскорѣй;
У насъ дома не здорово;
Изба не топлена,
Дѣжа не мѣшана,
Телята не кормлены!
Загорись изба не топлена,
Взойди дѣжа не мѣшена,
Облупить телятъ не кормленныхъ!

22.

— Мы копанъ копали, а мы просо сѣяли.
— А мы просо вытопчемъ!
— А чѣмъ-же вы вытопчите?
— Мы коней запустимъ!
— А мы кони загонимъ!

— А мы кони выкупимъ.
— А чѣмъ-же вамъ выкупить?
— Мы дадимъ сто рублей!
— Не надо намъ тысячи!
— Вы, бояре, за кого вамъ молодую взять?
— Вы, царевны, за кумашничка молодаго!
— Вы, бояре, за кого вамъ молодую взять?
— Вы, царевны, за бумажничка молодаго!

Такое-же обращеніе дальше, а въ отвѣтахъ: за собашничка, за кошатника, за рѣшетника.

Первая повозка съ женихомъ ѣдетъ прямо во дворъ, съ невѣстой-же проскакиваютъ мимо, родственники жениха выбѣгаютъ, кричатъ, останавливаютъ и нападаютъ на ямщика; онъ объясняется, что у него вожжа оборвалась, крестная мать жениха даетъ ему въ подарокъ новый поясъ, чтобы связать. Поварачиваютъ во дворъ и поютъ:

23.

Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ,
Старая баба хороводница?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ,
Молодая молодка?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ,
Красная дѣвка?
— Есть у насъ, есть у насъ
Красная дѣвка.
Отворяй ворота широкія!—
— Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ
Вчерашній борщъ?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ
Вчерашняя лапша?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ
Червивая ветчина?
Сучка на лычкѣ,
Кобель на матузкѣ?..

Невѣста, вставши, подходитъ къ жениху, ихъ встрѣчаютъ отецъ и мать съ иконой и хлѣбомъ, они кланяются родителямъ въ ноги и цѣлуются съ ними. Дружко говоритъ:

24.

Мы шли чрезъ два мосты,
Нашли два хвосты;
Причипили батькѣ и матери,
Начали дюжѣя везти.

Надоѣли два роги [1]),
Стали ни волы, ни коровы,
Привели сюда до порога.
Здравствуйте, свашенька, Ларіоновна,
И Митричъ, сваточекъ!
Вотъ мы привезли вамъ
Красный платочекъ!
Вы заставили насъ
Дѣлать вашу работу,
Вы послали насъ на охоту,
Мы ходили по горамъ, по ярамъ,
Искали лисицъ, а съ лисицъ,
Привезли вамъ красныхъ молодицъ!
Любите, жалуйте,
Какъ знаете, такъ принимайте!

Дружка благодарятъ; а бабы поютъ:

25.

Наваримъ мы пива,
Пива молодаго—вина зеленаго,
А что у насъ будя, въ энтомъ пивѣ?
Мы энтово пива напьемся,
Въ кучу всѣ сойдёмся,
Да всѣ подерёмся, у рознь разойдемся;
Мы сядемъ посидимъ,
Мы станемъ постоимъ!

Молодыхъ ведутъ въ домъ, садятся всѣ за столъ, молодые на первомъ мѣстѣ; подаютъ обѣдъ, въ концѣ котораго дружко говоритъ: „Люди добрые, давайте помолимся Богу, позвольте молодыхъ проводить въ дорогу!"—Дружко ведетъ ихъ въ другую половину, гдѣ приготовлена постель, на которой лежатъ укрытые какіе нибудь молодожены, дружко бьетъ ихъ слегка палкой, они лежатъ не подымаются, тогда онъ бьетъ сильнѣй и они вскакиваютъ, иногда имъ изрядно достается.

Молодыхъ оставляютъ и даютъ закусить что нибудь лакомое.

Великороссы не интересуются цѣломудріемъ невѣсты и никакихъ обрядовъ относительно установленія факта дѣвственности нѣтъ.

Когда приходятъ отецъ и матъ невѣсты, которыхъ съ обѣдомъ не ждутъ, приносятъ подарки, купленные невѣстой на деньги жениха изъ „поклажнаго", иногда привозятъ сундукъ съ приданымъ, но только богатые даютъ приданое. Дружко кланяется сва-

[1]) Невѣста повязана бабой; повязка бабъ у дмитровскихъ великороссовъ похожа на рога.

тамъ и говоритъ; „Позвольте, сватушка Митричъ, на міръ хлѣбъ раздѣлить, какъ Богъ благословитъ, покорно васъ прошу,—кому раздѣлить?“

Если дружко балагуръ, то до дѣлежа коровая разсказываетъ разныя комичныя прибаутки, въ родѣ слѣдующихъ:

26.

Я впередъ батька родился,
На трехъ жёнкахъ женился:
Была у меня первая Софья
И три года сохла;
На бокъ перевалилась и переломилась,
Я лыкомъ сшилъ,
И еще три года жилъ,
Не жилъ, а мучился,
Пока похоронилъ.—
Женился на другой:
Я живу въ банѣ, а она въ амбарѣ,
Когда журавли летятъ,
Тогда про насъ люди говорятъ;
И эту Богъ прибралъ.
Женился тогда я на третьей,
Богъ далъ намъ хорошій урожай,
Пошла она до вѣтру,
А соломенка въ ногу впёрла,
Она съ этого и умёрла!
Теперь женился на четвертой.
Садился я на красной лодочкѣ,
И пилъ по четвертой рюмочкѣ водочки!

27.

Не журитесь ребята,
Что насъ четыре брата,
Мать-то тяжела,
А отецъ на дняхъ ходитъ.
Рожь поспѣла,
А овёсъ не жатый;
Людей-то нада,
Развѣ пойдемъ наймемъ,
Да людей соберемъ!

28.

Когда мы съ дѣдомъ хозяйновали,
Были у насъ два коты—какъ орлы;
За то дѣдъ меня принималъ,
Что я его на путъ наставлялъ.
Справили мы себѣ плугъ,
Хозяйновали съ дѣдомъ у двухъ:
Взяли котовъ позапрягали,
Припечекъ и коминъ взорали.
Насѣяли гречки,
Далъ Богъ уродила.
Мы съ дѣдомъ убрали,
На коминъ скирды поскладали;
А коты, какъ орлы,
Подняли хвосты,
Посбивали наши скирды,
Онѣ въ помойницу упали,
А мы съ дѣдомъ три дня
Снопы тягали,

И на припечку клали-сушили
И кожухомъ укрыли.
Завелись воши—съѣли кожухъ.
Дѣдъ мой тогда зажурился.
Я его опять наставлялъ:
Дѣдушка не журитесь!
Будемъ хозяйновать,
Котами огородъ орать.
Огородъ взорали,
Кабаковъ насажали.
Уродили кабаки—какъ ульи,
Однимъ будутъ довольны
Двѣ семьи.
Пошелъ дѣдъ кабаки рубать,
До тѣхъ поръ рубалъ,
Пока самъ въ кабакъ упалъ.
Пошелъ я дѣда шукать,
А мой дѣдъ въ кабаку не живой сталъ.
Годи я тогда съ дѣдомъ хозяйновать,
Нада дѣда прибирать!—

Когда начинаютъ дѣлить коровай и подарки дарить, приглашаютъ молодыхъ. Прежде дарятъ отца жениха красной рубахой и онъ обязанъ дать молодымъ не менѣе 3 руб.; мать дарятъ хорошимъ платкомъ. Родню невѣсты одѣляютъ подарками, купленными на деньги жениха, а для своей родни женихъ покупаетъ отдѣльно.

За подарки молодымъ дарятъ, также какъ и у малороссовъ, кто что можетъ; во время раздачи подарковъ, дружко приговариваетъ:

29.

Проситъ васъ князь со княгиней
Принять коровай,
Коровай принимай,
Золотую гривенку давай.
Нынче осень,
Положите рубликовъ восемъ.
Сватушка много!
Мы уважимъ вамъ,
Просимъ васъ у честь,
Положите рубликовъ шесть;
Просимъ васъ опять,
Положите рубликовъ пять.
Пóмочи по силѣ,
Положите рублика четыре;
Нашимъ молодымъ на ново мѣсто,
Много надобно:
На бѣлила, на румяна, на веретенца
Прясть тонкія полотенца.
Мы не за то васъ даримъ,
Что подарка хотимъ,
А за то,—что спознаться съ вами хотимъ.
Просимъ васъ такъ,
Положите хоть пятакъ;
А какъ ты парень хорошъ,
То положъ хоть грошъ!—

После раздачи подарковъ бабы поютъ, величая дружка;

30.

У кого у насъ борода широка?
У Семёна Васильевича—борода широка!
Только ему при городѣ жить,
Суды-судить—коней дѣлить:
Тому сему по конику,
А Ивану (жениху) что ни лучшаго!
У кого у насъ, борода широка?
У Семёна Васильевича—борода широка!
Только ему при городѣ жить,
Суды судить—дѣвицъ дѣлить:
Тому сему по дѣвушкѣ,
А Ивану что ни лучшую,
Аннушку Ивановну!
А также и свашку:

31.

Свашенька писаная, свашенька ряженая!
Не пилъ-бы, не ѣлъ, все на свашеньку глядѣлъ.
Чье это стадо коровъ?
Все это свашеньки моей,
Свашеньки писаной, свашеньки ряженой!
Не пилъ-бы, не ѣлъ, все на свашеньку глядѣлъ!
Чье это стадо свиней?
Все это свашеньки моей,
Свашеньки писаной, свашеньки ряженой!
Не пилъ-бы, не ѣлъ, все на свашеньку глядѣлъ!—

Дальше говорится: стадо овецъ, стадо гусей, стадо куръ и проч. съ тѣмъ-же припѣвомъ.

Женихъ и невѣста уходятъ на свою половину, а дѣвки, все еще присутствовавшія, расходятся и поютъ:

32.

Во заяньки, во сѣринькаго,
Коротенькія ножки;
У Аннушки, во горенькѣ,
Дорогіе гости.
Пьютъ и льютъ, цымбалы бьютъ,
Периторы играютъ,
Аннушку Ивановну
Въ гости дожидаютъ.
Аннушка Ивановна,
Тебя батюшка клича!
—Сестрицы мои, подруженьки,
Право не слыхала,
Скоро-бы побѣжала!—

Дружко оставляетъ всѣ свои обязанности и начинается такъ наз. *„свальный ужинъ“*; садятся всѣ за столъ безъ всякаго порядка, родня жениха мѣшается съ родней невѣсты, ѣдятъ и пьютъ.

Послѣ ужина родня жениха провожаетъ родню невѣсты домой и тамъ гуляютъ. На утро отецъ жениха посылаетъ человѣкъ 5 просить отца и родню невѣсты *„на отводы“*. Гуляютъ, пьютъ и танцуютъ; бабы поютъ плясовыя пѣсни:

33.

Сынъ на матушкѣ снопочки возилъ,
Свою женушку на пристяжкѣ водилъ:
Ты вези-вези, старая мать,
Мнѣ съ матушкой часъ-часовать,
Съ молодой женою вѣкъ-вѣковать!
Чужія жоны къ обѣдни идутъ,
Моя, шельма, убирается!
Чужія жоны—та свѣчки несутъ,
Моя, шельма, палочку!
Чужія жоны Богу молятся,
Моя, шельма, съ попомъ борется!

34.

Гдѣ-бы правда, гдѣ видѣнна была,
Что бы курица бычка привела?
А бычекъ поросёнка принёсъ,
Поросенокъ бы яичко снесъ?
А безрукій яичко укралъ,
А ды голому за пазуху сховалъ,
А слѣпой ды подсматривалъ,
А глухой ды подслухивалъ,
А нѣмой караулъ закричалъ,
А безногій у погонь побѣжалъ,
Шелудиваго за кудри поймалъ?!..

35.

Не ходи ты, бѣлъ-кудрявъ,
Мимо мово саду,
Не топчи ты, бѣлъ-кудрявъ,
Мою духовую мяту.
Не для тебя я садила,
Не для тебя я поливала!
Для того я садила,
Кого любила!
Для того я поливала,
Кого цѣловала!
Цѣловала, миловала
Холостаго парня;
Холостой парень—бурлака,
Шельма розбіяка,
Онъ глазами моргая,
На дворъ дѣвку вызывая:
Выйди-выйди, дѣвчоночка, на крылечко,
Скажи тайное словечко:
Одно тайное, другое явное,
А третье ретивое!

Поютъ еще:

36.

Хозяинъ мой, хозяинъ,
Своему дому господинъ!
Твое пиво пьяное,
Дорогая твоя бесѣдушка присмиренная.

Они пьютъ, ѣдятъ, разговариваютъ
Все рѣчи хорошія;
Отъ чего, братцы,
Камяна Москва загоралася?
Загоралась камяна—Москва
Отъ большихъ господъ:
Отъ того господина,
Отъ графа Шереметьева,
Отъ его молодой шельмы—клюшницы,
Выходила она, шельма—клюшница,
Въ полночь въ темные выходы,
Зажигала она свѣчку воску-яраго,
Заронила искру въ пороховую казну!—

37.

Горы мои Сіонскія,
Ничего вы горы не породили,
Породили одинъ кустъ ракитовый,
На томъ на кустѣ сидитъ
Младъ сизый орелъ,
Держитъ въ когтяхъ черного ворона.
Онъ не бьё, не дирё,
Все разспрашиваё:
—Гдѣ ты, воронъ, былъ,
Гдѣ ты, черный, погуливалъ?
—Ужь я былъ побывалъ,
На дикой степи;
Ужь я видѣлъ диво-дивное,
И тѣло бѣлое молодецкое;
Никто къ тѣлу не признается.
Признавалися три ластушки,
Три касатушки:
Первая ластушка, родная матушка,

А другая—родная сестрица
А третья—молода жена.
Гдѣ мать плача—рѣка бѣжитъ,
Гдѣ сестра—тамъ колодязь стоитъ,
Гдѣ жена—тамъ роса упала;
Мать плачетъ—вѣкъ и до вѣку,
А сестра—день до вечера,
А жена—слухать нечего!—

38.

Аннушка прекрасна,
Лицемъ бѣла, хороша;
Только жизнь моя несчастна,
Что влюбился я въ тебя.
Что влюбился, обласкался,
Знать тобою не владать,
Когда-бы мнѣ сизы крылушки,
Снялся, полетѣлъ-бы къ душенькѣ своей
Въ зеленый садъ гулять.
Въ зеленомъ садочку
Мелкія пташечки поютъ,
Не пойте мелкія пташечки,
Мнѣ и такъ тошно!
Въ зеленомъ садочку дорожка лежитъ,
Тамъ колясочка бѣжитъ,
Во той во колясочкѣ
Мой милый сидитъ.
Кричала, махала:
—Постой обожди!
—Радъ-бы оглянуться
Закрыты глаза,
Закрыты, завѣшаны и задернуты!

До четверга гуляють у родственниковъ. Въ четвергъ, такъ же какъ и у малороссовъ, ѣдятъ куръ.

Въ пятницу зубы полощутъ и ходятъ по шинкамъ, но не носятъ, какъ малороссы, украшенныхъ курицъ шинкарямъ.

Въ субботу гуляютъ—кто хочетъ. Въ воскресенье отецъ жениха изъ церкви приглашаетъ свата и сваху на обѣдъ и гуляютъ одни по родственному. Тѣмъ свадьба заканчивается.

На свадьбу у средняго хозяина великоросса выходитъ: не менѣе 10 мѣшковъ муки на хлѣбъ, бычекъ 2 лѣтъ, овца, свинья и деньгами на водку, вино и проч. до 150 рублей.

